

УДК 81'22+164

Райхерт К. В.

ИСХОДНЫЕ ПОНЯТИЯ АНАЛИЗА ПРАГМАТИКИ ЛОГИКИ

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

Одесса, ул. Дворянская 2, 65082

Rayhert K. W.

THE BASIC CONCEPTS OF THE ANALYSIS OF PRAGMATICS OF LOGIC

Odessa I. I. Mechnikov National University

Odessa, Dvoryanskaya 2, 65005

Аннотация. Теоретически и практически обосновывается концептуальная эпистемологическая модель анализа прагматики логики. Разрабатываются исходные понятия анализа прагматики логики: 1) система; 2) логическое действие (логический акт); 3) субъект логического действия (интерпретатора); 4) субъективность в языке; 5) перформация; 6) компетенция; 7) контекст; 8) ситуация.

Ключевые слова: семиотика, прагматика, логика, прагматика логики.

Abstract. The conceptual epistemological model of the analysis of pragmatics of logic is validated theoretically and practically. The basic concepts of the analysis of pragmatics of logic (system, logical act, subject of logical act (interpreter), subjectivity in the language, performance, competence, context, and situation) are developed.

Key words: semiotics, pragmatics, logic, pragmatics of logic.

В статье «Чарльз Уильям Моррис и прагматика логики» я показал возможность построения прагматики логики как раздела семиотики логики и определил её: «Прагматика логики – это аспект семиотики логики, затрагивающий происхождение, использование и влияние логических знаков»

[3, с. 148]. Далее: «семиотика логики смотрит на логику как на логический язык и, тем самым, как на систему знаков» [3, с. 146]. Отсюда: прагматика логики также смотрит на логику как на логический язык. Прагматику логики может интересовать прагматическое измерение логического языка.

Однако с логическими языками, на первый взгляд, может возникнуть проблема следующего толка. Существует такая точка зрения, согласно которой «функционирование естественного языка (письменного или в виде речи) может быть понято как выполнение им четырёх первичных функций: 1) знаковой; 2) дескриптивной; 3) интенциональной; 4) диалогической. Каждая последующая функция в этом перечислении включает в себя предыдущие, но не сводится к ним. Благодаря сочетаниям этих функций язык выполняет свои основные роли – от средства общения до способа выражения знания и путей его получения. Значение знаковой функции языка очевидно. Язык в дескриптивной функции употребляется для объективирования описания того, что происходит в определённой предметной области: 1) идёт снег, 2) атом состоит из ядра и вращающихся вокруг него электронов, и так далее. В интенциональной функции язык служит для выражения либо внутреннего мира субъекта речи (его переживаний, желаний, оценок), либо его отношения к какому-либо объективированному описанию: 1) хорошо дышать чистым воздухом, 2) Иванов полагает, что Земля не имеет формы шара, 3) у меня болит зуб, и так далее. Понимание сущности языка во многом зависит от изучения его интенциональной функции. Концептуальной рамкой для изучения этой функции служат понятия действующего лица (пользователя языка), ситуации, в которой находится пользователь или интересующий его объект, и отношения пользователя к определённому контексту (множеству предложений языка) в конкретной ситуации» [1, с. 128].

На первый взгляд, логический язык выполняет только функции: 1) знаковую и 2) дескриптивную. Интенциональную функцию и тем более диалогическую (можно сказать – коммуникативную) функцию создатели логических языков пытаются исключить из этих самых языках. Дело здесь в

том, что «логики считают, что логические языки имеют дело только с денотатами, так как семантика (значения знаков) поглощает прагматику (использование знаков)» [3, с. 146].

Однако против такой точки зрения можно выдвинуть простое возражение: логик в начальной точке своего рассуждения не использует логический язык. Сначала он вынужден перейти с естественного языка на логический язык для уточнения своей мысли, то есть осуществить перевод с естественного языка на язык логический, а ведь хорошо известно, что «с переводами всегда возникает проблема неточности и неадекватности» [2, с. 76], хотя бы по причине того, кто переводит и как. В процессе перевода, так или иначе, значимо то, кто является переводчиком (интерпретатором). Вот здесь как раз и всплывает интенциональная функция логического языка.

Более того, можно говорить и о диалоговой (коммуникативной) функции логического языка, ведь логический язык используется, как считается, для точной и достоверной передачи мысли, а сама эта передача, так или иначе, предполагает адресата, даже если он неопределён.

Таким образом, можно видеть, что логический язык выполняет такие же функции, что и естественный язык, правда, скорее всего, в определённой жёсткой форме в целях достижения иллюзии точности и достоверности передачи мысли. Такого рода сходство логического языка с естественным языком позволяет мне сделать допущение, что используемые исходные понятия анализа прагматики естественных языков могут быть применены в анализе прагматик логических языков также как исходные понятия.

Итак, в настоящей работе я хотел бы разработать определённые исходные понятия, которые можно было бы использовать в процессе анализа прагматики логики (или прагматико-логического анализа).

О каких же исходных понятиях анализа прагматики логических языков может идти речь? Я полагаю, что о тех, которые эквивалентны исходным понятиям анализа прагматики естественных языков, а именно:

- 1) «системе»;

- 2) «акту (действию)»;
- 3) «говорящему субъекту»;
- 4) «субъективности в языке»;
- 5) «контексту»;
- 6) «ситуации»;
- 7) «перформации»;
- 8) «компетенции».

Выбор этих понятий в качестве исходных неслучаен: как считает российский лингвист Л. П. Рыжкова, «это те понятия, которые в большей или меньшей степени являются общими для всех прагматических направлений в целом» [4, с. 37].

Первое понятие – это «**система**». Ни у кого из исследователей языков (естественных или искусственных) не вызывает сомнения, что язык является системой, прежде всего знаков. В этом смысле логические языки не являются исключениями. Они представляют собой системы знаков. Достаточно вспомнить в этой связи логику предикатов первого порядка, чей язык строится на основе определённого алфавита. Сам этот алфавит состоит из так называемых «нелогических первичных символов» (предметные (индивидуальные) константы, предметные (индивидуальные) переменные, n -местные функциональные константы (функции), n -местные предикатные константы (предикаты)), так называемых «логических символов» (отрицание, конъюнкция, кванторы) и так называемых «технических символов» (скобки, запятая). Собственно алфавит и делает язык логики предикатов первого порядка формализованным языком и логической (формально-логической) системой.

«**Акт (действие)**». Здесь очень важно понимать, что любой язык служит для выполнения действий. «Говорить значит действовать и воздействовать на другого» [4, с. 37]. В плане логики использовать логический язык значит действовать и воздействовать на другого с той целью, которую преследует данная логика (например, убеждения или создания иллюзии точности и правдоподобия). Примером действия с логическим языком (лучше, наверное,

обозначить это действие как «**логическое действие**», или «**логический акт**») может служить перевод высказывания естественного языка на язык логики предикатов первого порядка. Вот один такой случай: дано высказывание на естественном языке «Некто ловит рыбу». Делается перевод этого высказывания на язык логики предикатов:

$$\exists x \exists y (Q(x, y) \wedge R(y)) \quad (1)$$

где \exists – это квантор существования, x – «некто» как предметная переменная, y – «рыба» как предметная переменная, Q – отношение «ловить», \wedge – знак конъюнкции, R – свойство «быть рыбой».

Говорящий субъект. Лучше в данном случае говорить не о говорящем субъекте, а о **субъекте логического действия** (или об **интерпретаторе**). Субъект логического действия очень важен, так как он использует логический язык с определённой целью.

Субъективность в языке «проявляется прежде всего как способность присваивать себе язык в процессе его использования» [4, с. 37]. Это означает, что субъективность в языке проявляется в той мере, в какой этот язык усвоен субъектом действия.

От субъективности в языке зависят **перформация** и **компетенция** субъекта действия: «Под перформацией понимается реализация речевого акта в контексте, в котором актуализируется компетенция говорящего, то есть его знание и владение правилами организации и производства акта, или шире – коммуникативная компетенция» [4, с. 37]. Другими словами: компетенция – это умения пользоваться (в данном случае) логическим языком (то есть знание и владение логической системой), а перформация – это конкретное использование логического языка.

Контекст и ситуация: «Совершение акта речи имеет место в рамках конкретной коммуникативной ситуации, когда учитываются место, время, идентичность участников коммуникации (говорящего и слушающего, третьих лиц) и тому подобное, то есть всё, что необходимо знать, чтобы понять и

оценить то, что говорится. Контекст рассматривается как внутренняя характеристика языкового акта, ситуация является его внешней характеристикой» [4, с. 37].

Здесь очень важно уловить различие между контекстом и ситуацией. Как уже было указано, ситуация связана прежде всего с местом, временем, идентичностью участников коммуникации. В процессе использования логического языка не всегда возможно понять, в какое время и в каком месте было совершено логическое действие, зато можно понять, на кого данное действие было ориентировано.

С контекстом дело обстоит иначе. Как указывают Дан Спербер и Дейвдрэ Уилсон, «контекст – это психологическая конструкция, подмножество предположений слушателя о мире. Эти предположения скорее, чем реальное состояние мира оказывают влияние на интерпретацию высказывания. Контекст в этом смысле не ограничен информацией о непосредственной физической среде или немедленно произнесённых высказываниях: ожидания будущего, научные гипотезы или религиозные верования, анекдотические воспоминания, общие культурные предпосылки, вера в ментальное состояние говорящего, – всё это может сыграть свою роль» [6, р. 15-16]. То же самое можно сказать и о говорящем. Говорящий вынужден предполагать, что и как может понять слушатель. То же самое можно сказать и о субъекте логического действия. Субъект логического действия предполагает компетенцию объекта логического действия и в соответствии с этим выстраивает своё логическое действие и его перформацию, – это и есть контекст логического действия.

Подытоживая сказанное, можно считать основными понятиями прагматики логики систему, логическое действие (логический акт), субъекта логического действия (интерпретатора), субъективность в языке, перформацию, компетенцию, контекст, ситуацию. Всё это можно рассматривать, как теоретическое обоснование **концептуальной эпистемологической модели анализа прагматики логики.**

Далее следует рассмотреть, как данная модель работает на практике. Для

этого я собираюсь обратить внимание на пример, который был взят из «Метафизики» А. И. Уёмова и связан с критикой логики предикатов: «Рассмотрим различие между “свойствами” и “отношениями”. В современной литературе это различие определяется через понятие логической функции или предиката. Логическая функция – это такая функция, когда некоторой вещи сопоставляется одно из двух значений: 1) истина; 2) ложность. Например, “Одесса – большой город”, здесь свойство быть большим городом приписывается Одессе. Этому соответствует значение логической функции “истина”. Соответственно, можно рассмотреть и ложные значения функции: “Одесса – находится на Волге” так далее. Логическая функция может приписываться одной вещи, то есть быть одноместной, например, Одессе приписывается свойство быть большим городом. Различие между “свойствами” и “отношениями” сводится к различию мест предиката. Если предикат одноместный, то это будет свойство. Если число мест более одного, то это будет отношение. Это неудовлетворительно с философской точки зрения, поскольку вводятся количественные отношения, определяющие различие между фундаментальными категориями. Такое положение в логике может рассматриваться как отголосок пифагореизма, и логика здесь занимает место прикладной математики. Можно привести много примеров, где это различие не работает. Возьмём отношение “любит”. Сколько здесь мест? Сколько нужно объектов, чтобы реализовалось это отношение? “Нарцисс любит самого себя”. Здесь – один объект. Нельзя сказать, что какая-то часть любит другую часть Нарцисса. Эгоисты ещё не перевелись, однако, любя себя, они могут полюбить и других. Пример с Нарциссом – это пример одноместного отношения. Двухместное отношение – это любовь Ромео и Джульетты. Многоместное отношение – любовь членов семьи друг к другу» [5, с. 100-101].

В приведённом пассаже для А. И. Уёмова ключевым является пример одноместного отношения «Нарцисс любит самого себя». На языке логики предикатов первого порядка этот пример (в интерпретации А. И. Уёмова) можно записать так:

$$\exists xR(x, x) \quad (2)$$

где \exists – это квантор существования, x – «Нарцисс» как предметная переменная, а R – отношение «любить».

Здесь очевидно, что субъектом логического действия является А. И. Уёмов, используемой (логической) системой – язык логики предикатов первого порядка, а самим логическим действием – представление «Нарцисс любит себя» как одноместное отношение. Учитывая, что А. И. Уёмов в приведённом выше пассаже корректно излагает основы логики предикатов первого порядка, в компетенции и скорее всего в перформации А. И. Уёмова не приходится сомневаться. Ситуация, в которой совершено логическое действие А. И. Уёмовым, тоже очевидна: приведённый выше пассаж взят из учебника по метафизике, что означает, что сказанное в этом пассаже ориентировано на студентов, изучающих, прежде всего, философию. Контекстом, в рамках которого совершено логическое действие, по всей видимости, является критика количественного подхода к различению свойства и отношения в логике предикатов первого порядка.

Субъективность в языке в данном случае проявляется в том, как А. И. Уёмов интерпретирует исходную фразу «Нарцисс любит самого себя» перед тем, как перевести её на язык логики предикатов первого порядка. Так, по всей видимости, А.И. Уёмов прочитывает указанную фразу как «Нарцисс любит Нарцисса», причём в оба Нарцисса – это один и тот же Нарцисс. В таком случае становится возможным показать существование одноместных отношений и «подорвать» всё основание логики предикатов, которое строится на количественном различении свойства и отношения.

Между тем можно ли считать такую интерпретацию удовлетворительной? Не вводит ли в высказывании «Нарцисс любит самого себя» практика использования естественного языка в заблуждение? Казалось бы, в предложении «Нарцисс любит самого себя» местоимения «самого себя» заменяют само существительное «Нарцисс», чтобы оно не повторялось в этом предложении, однако местоимения «самого себя» заменяют существительное

«Нарцисс» с другим значением. Чисто психологически человек, которого зовут Нарцисс, не может любить самого себя, ибо он не может полностью знать самого себя. В то же самое время, как правильно отмечает А. И. Уёмов, одна какая-то часть Нарцисса не может любить другую какую-то часть Нарцисса. В действительности же Нарцисс создаёт некоторый образ самого себя, нарекает его «Нарциссом» и любит именно его. Другими словами: физический Нарцисс любит идеального Нарцисса, а это точно два совершенно различных объекта. В таком случае запись на языке логики предикатов первого порядка может выглядеть так:

$$\exists x \exists y R(x, y) \quad (3)$$

где \exists – это квантор существования, x – (физический) Нарцисс как предметная переменная, y – (идеальный) Нарцисс как предметная переменная, R – отношение «любить».

Интерпретация высказывания «Нарцисс любит самого себя» А. И. Уёмова показывает доверие самого интерпретатора, то есть А. И. Уёмова, к естественному языку, а также его полагание на сам язык, без его критического разбора. В этом проявляется субъективность в языке А. И. Уёмова.

В завершение я бы хотел сделать предостережение: несмотря на то, что было выделено восемь основных понятий прагматики логики, возможны такие случаи, когда все эти восемь понятий невозможно использовать как средства анализа прагматического измерения логического языка, хотя бы по причине недостатка информации. Правда, можно с уверенностью утверждать, что всегда прагматическое измерение логического языка можно рассмотреть через призму понятий «(логическая) система» и «логическое действие», так как эти вещи всегда доступны при анализе прагматики логики.

Литература:

1. Костюк В. Н. Интенциональность и диалог как функции естественного языка / Владимир Николаевич Костюк // Философские основания научной теории / отв. ред. В. В. Целищев, В. Н. Карпович. – Новосибирск: Наука, 1985. –

С. 128-153.

2. Попович М. Теорія значення: «бути» чи «мати» / Мирослав Володимирович Попович // Філософська думка. – 2013. – № 4. – С. 74-80.

3. Райхерт К. В. Чарльз Уильям Моррис и прагматика логики / Константин Вильгельмович Райхерт // Філософія і політологія в контексті сучасної культури. – 2014. – № 7. – С. 145-150.

4. Рыжкова Л. П. Французская прагматика / Людмила Павловна Рыжкова. – М.: КомКнига, 2007. – 240 с.

5. Уёмов А. И. Метафизика: учебное пособие / Авенир Иванович Уёмов. – Одесса: Астропринт, 2010. – 260 с.

6. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition / Dan Sperber, Deirdre Wilson. – 2nd edition. – Oxford; Cambridge: Blackwell Publishers, 1995. – 326 p.

Статья отправлена: 23.08.2013г.

© Райхерт К.В.